

А теперь о маме.

Мама родилась весной 1915 года на Украине в селе Богородичное, на берегу Донца у Святогорской Лавры в семье многодетной и бедной.

В 30-м году, исчерпав все возможности местного образования, уехала в Ленинград – учиться. И не пропала – выучилась, окончила Библиотечные курсы, потом Библиотечный институт, успела поработать библиотечным инспектором в Заполярье, а к началу войны уже заведовала библиотекой Ленинградского Механического техникума. Там, в Ленинграде, ее и застала война. Мама пережила первую, самую тяжелую блокадную зиму (об этом должен бы быть отдельный рассказ) и была эвакуирована 4 апреля 1942 года – в последний день ледовой дороги.

Путь на юг, в предместья Грозного, длился полтора месяца и был не легче блокады. А когда рухнул Южный фронт и явственно обозначилась угроза оккупации, мама сказала себе и повторила военным, которые решали ее судьбу: «Я не затем прожила блокадную зиму, чтоб остаться в оккупации». И ее взяли: поначалу в банно-прачечный комбинат, а в конце концов заведовать столовой военного совета армии, потом фронта. Ее армия дважды гибла – попадала в окружения, и оба раза мама сумела выйти, да еще и принести ценные разведданные. Но об этом, как и об ордене Красной Звезды, который вручал ей папа (так они познакомились), – отдельная история.

А пока вернемся к началу войны, ко времени, которое мама описала сама в записках 47-го года, адресованных детям: мне, лежащей в колыбели, и десятилетнему брату, которого ей посчастливилось найти в 45-ом в Сибирском детдоме.

«3 мая 1941 года я вернулась из Алушты, где первый раз в жизни отдыхала в санатории – после выздоровления от воспаления легких мне дали путевку от работы. Вернулась и сразу принялась за сборы – 5 мая Герочкин детский сад выезжал на дачу в Тайцы.

В воскресенье, 22 июня, я, как обычно, собиралась поехать к сыну, но уже в дверях меня остановила соседка Ольга Андреевна: «Война!»

Соседка сказала, что надо делать запасы, а у меня, как назло, денег нет и ничего в запасе. Никогда я ничего впрок не покупала – ни сахар, ни муку, ни керосин. А с прилавков, когда мы пришли, уже все смели, некоторые впрок брали, а керосин в ванну наливали. В общем, мне удалось купить только килограмм гороха. В городе вдруг стало много военных, появились ополченцы, аэростаты повисли над городом. Тревожно. Но на работу все ходили аккуратно.

3 июля дети вернулись из летнего лагеря в Тайцах. И тут же, в понедельник, прихожу с работы, а меня ждет записка из детского сада: «Срочно собрать для ребенка зимние вещи и подготовиться к эвакуации детского сада. Эвакуация 5 июля».

Какие зимние вещи? Где их взять в июле? Из старых-то вещей ребенок вырос. Что делалось в эти дни в магазинах – ни валенок не найти, ни чулочек! Матери с ног сбились. А надо ведь все собрать, пометить, старое починить.

Собирать – собирали, но не думали мы тогда, что отправляем их, маленьких, так надолго. Герочке было пять с половиной лет! Как такой крохе без матери? Я его только через четыре года отыскала, а ведь сколько матерей своих детей не нашли, а сколько таких детей осталось, кого и искать было некому – все родные погибли...

Матерей не отпускали вместе с детьми. Мало кому удалось уехать с яслями и детсадами – только тем разрешили, кто там работал. Сколько я просила, куда только ни обращалась с просьбой отпустить меня с ребенком, но ответ везде был один: «А кто будет защищать Ленинград?» А как я, библиотечный работник, буду защищать город? А же не знаю военного дела, даже стрелять не умею...

И вот настал этот день – 5 июля 1941 года.

К одиннадцати часам мы должны были привести детей с вещами во дворик детского сада. Детям объяснили, что их повезут на другую дачу, где будет речка, где они будут купаться и ловить рыбок. Но не все дети поверили. Мой Герочка все твердил, что он «едет на войну, куда летчики с аэродрома улетели» (вблизи детсадовской дачи в Тайцах был военный аэродром).

У меня и сейчас эта картина перед глазами. По двое выстроились наши детки во дворе детского сада. Совсем крохи – от трех до шести лет, только несколько деток постарше (это те, кто едут с матерями-воспитательницами). Проверили списки. Записали еще раз родителей и родственников – на тот случай, если родители погибнут.

Всего с детсадом отправляли 100 человек. Стоит мой Герочка, рядом с ним такой же мальчик, лет 4-5 пяти. На Герочке пальтишко синенькое, летнее, серенькая кепочка, на плече что-то вроде маленького вещмешка. Там сухарики и печенье на дорогу, на первые часы пути. Стоит – и не плачет. Многие уже режут в голос, а он – нет. Только деловито поправляет свое игрушечное ружье на другом плече – ружье я ему на день рожденья подарила, и с тех пор он с ним не расставался. Но оказывается, дуло ружья мешает тем, кто сзади, – может попасть в

лицо, если неосторожно повернуться. Матери тех детей хотели отобрать ружье у Геры, а он не дает, изо всех сил вцепился: «Как же я без ружья буду с Гитлером воевать?» Глаза налились слезами, вот-вот заплачет. Я взяла у него ружье, завернула в газету, дуло завязала платком и снова ему отдала. Он успокоился, опять говорит: «Я на фронт еду воевать! С ружьем!»

И вот в одну машину погрузили вещи, а в автобус стали сажать детей. Герочка мой изо всех сил держался. Когда набегала слезинка, старался не смотреть на меня. А я вроде и не плакала, а слезы ручьем лились. Всякое было и прежде, и потом, но, кажется, не было в моей жизни дня, когда я пролила столько слез. А мой малыш еще меня успокаивал: «Не плачь, мамочка, я скоро-скоро вернусь, только немца прогоню».

Никогда я не забуду эту картину. Обычный ленинградский автобус с нашими детьми. Они спокойно, послушно зашли в автобус. И только когда закрылись двери, дети что-то поняли (а до этого, наверно, думали, что их везут на экскурсию). И тут все они в голос заплакали и закричали: «Мааааа-ма! Мааааа-ма!» А матери кинулись к автобусу – как будто передумали, хотели забрать своих детей, и тоже плакали, кричали, звали детей по именам. Так и тронулся этот автобус, увозя отчаянный детский крик, а за ним бежали матери, захлебываясь плачем.

Это было наше первое ленинградское горе – эвакуация детей.

Детский сад находился вблизи Московского вокзала, и все мы кинулись туда, на вокзал, некоторые – по дворам, даже обогнали автобус. И вот здесь я еще раз увидела Герочку – когда детей выгружали из автобуса и вели в здание вокзала. Но он меня не видел. Да разве могли мы подумать, что отправляем детей на долгие годы неведомо куда? Маленькое мое, беспомощное существо – кто тебя уложит спать, кто накормит, приласкает, расскажет сказку на ночь? Ничего мы не знали, не знали даже, в каких вагонах их везут. А к вокзалу уже подходили другие автобусы с детьми, и привокзальную площадь заполняла огромная рыдающая, воющая от горя толпа матерей.

Неужели нельзя было отпустить нас вместе с детьми? Хотя бы тех, что не работали на оборону. Вот я, библиотечный работник, зачем меня оставили? Все равно в библиотеку никто не ходит. Я тогда представляла себе защиту города только с оружием в руках, на передовой, а когда нас забрали на окопы, поняла, что и мы теперь, с лопатой в руках, защищаем Ленинград. И все-таки не знаю, правильное ли это было решение – отпускать матерей. Думаю, неправильное.

О том, чтобы оставить детей в Ленинграде, об этом и речи не было. Это так. Если бы Герочка остался со мной, нам бы не выжить – ни ему, ни мне. Сколько матерей умерли, отдавая свою еду детям, а после дети умирали, оставшись без матерей. И правда, кому они без матери нужны? Да и кто найдет ребенка одного в квартире? Были (правда, немного) и такие матери, что заботились в первую очередь о себе, рассудив так, что у них еще родятся другие дети. Но как ни бесчеловечно их решение, я не берусь их судить. Кто знает, как они с этим потом жили, может, с ума сошли. А тогда у многих чувство жалости напрочь атрофировалось.

И началась в Ленинграде жизнь без детей. Редко-редко увидишь где женщину с ребенком. Первые месяцы, когда мне встречались матери с детьми, становилось нестерпимо больно и стыдно до слез. Как ножом по сердцу. Вот, казалось мне, это настоящая мать, она не отдала своего ребенка, не отпустила с чужими людьми – вот он с ней, здесь, они вместе, а что будет с ними, то и будет... (Тогда еще никто не понимал, что начиналось в городе.)

Сильно меня совесть мучила, а когда стали доходить слухи о том, что эшелоны с детьми бомбили, что кто-то из детей погиб, а кто-то потерялся, стало еще тяжелее. Ведь в Ленинграде тогда еще не

начались обстрелы, не бомбили нас до самого сентября. Тревоги, правда, были. Первое время прятались, а потом привыкли: сирена завывает, а никто в убежище не идет. Зенитки бьют, но вроде далеко. И голода еще не было. А на душе с каждым днем тяжелее становилось. Потом уже беженцы появились – почти из пригорода. Это был знак.

И началась уже другая, блокадная жизнь – обстрелы, бомбежки, затемнения, потом – голод. Я продолжала работать заведующей библиотекой Ленинградского механического техникума. Потом нас послали на окопы».

Здесь я пока обрываю мамин рассказ.